

агульнасаюзныя. У пастанове ЦК ВКП(б) і СНК СССР падкрэслівалася, што нацыянальныя часці былі створаны па прынцыпе тэрытарыяльнасці, што раней адпавядала прынцыпу будаўніцтва ўсёй РСЧА. Адыграўшы сваю станоўчую ролю ў гады грамадзянскай вайны, нацыянальныя фарміраванні ў цяперашні час не могуць апраўдаць свайго прызначэння («КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917-1968 гг.М., 1969.С.294).

На Беларусі ў агульнасаюзныя былі рэарганізаваны 2,33,37 і 64 тэрытарыяльныя стралковыя дывізіі. У 1937 г. Аб'яднаная Беларуская вайсковая школа таксама рэарганізуецца ў Мінскае ваеннае, а з 1940 г. — Мінскае пяхотнае вучылішча імя М.І.Калініна.

Закон аб усеагульнай вайскавай павіннасці, які быў прыняты 1 верасня 1939 г. Вярхоўным Саветам СССР, замацаваў кадравы прынцып будаўніцтва арміі. Чырвоная Армія стала кадравай. Такая сістэма праіснавала да распаду СССР, абвешчэння былымі савецкімі рэспублікамі дзяржаўнага суверэнітэту.

УДК 947. 6.01. «18/19»

В. Е. Козляков, доцент

НЕОНАРОДНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ О ФЕДЕРАЛИЗМЕ (НАЧАЛО XX ВЕКА – КОНЕЦ 20-х ГГ.)

In clause the evolution of program installations and tactics of political parties (socialists - revolutionaries, national socialists, left socialists - revolutionaries, Byelorussian socialist gramada etc.) on problems of federalism (beginning XX of century - end 20 years) is opened.

Развал СССР и Югославии, дальнейшее углубление центробежных процессов уже внутри новых независимых государств вызвали скептическое отношение со стороны некоторых современных государственных деятелей, политологов и историков к идеям федерализма. Между тем федеративный принцип государственного устройства, правда, в разных модификациях, несмотря на отдельные неудачи и коллизии, в целом выдержал проверку временем во многих странах мира, ибо учитывал традиции, опыт и конкретные реалии.

Российский национально-территориальный федерализм возник не на пустом месте, не являлся выдумкой большевиков, а уходит своими корнями в теоретическое наследие западной демократической мысли, русских народников и их преемников. О своей приверженности федералистским идеям неоднократно заявляли неонароднические

партии (т.е. те, которые ориентировались на крестьянство): эсеры, народные социалисты, их национальные разновидности. Теоретики и деятели неонародничества внимательно изучали опыт США и Швейцарии, творческие поиски декабристов (проект конституции, разработанный Н. Муравьевым), революционных демократов, но в основном опирались на бакунинские воззрения о союзах самоуправляющихся крестьянских общин. В начале XX века они пришли к выводу о том, что «федеративный строй и национальное равноправие одинаково обеспечивают развитие всех национальностей, независимо от того, в большинстве или меньшинстве считаются они на данной территории» (По вопросам программы и тактики. Сб. статей из «Революционной России». Выпуск 1. Б. М., 1903. – С. 187).

Например, эсеры в свою программу включили следующие требования: демократическая республика с широкой автономией областей и общин, возможно, более широкое применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение. В областях со смешанным населением — право каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете, предназначенном на культурно-просветительские цели (Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. – СПб., 1906. – С. 361-362).

Близко к эсерам по своим программным установкам находилась Белорусская социалистическая громада. В программе БСГ, принятой в 1903 и уточненной в 1906 г., говорилось: «Стремясь заменить самодержавный строй Российского государства Федеративной демократической республикой со свободным самоопределением и культурно-национальной автономией народностей, входящих в состав государства, БСГ выставляет требование автономии Белорусского края с местным сеймом в Вильно» (Полымя. – 1925.- № 5. – С. 159). Однако понятие территориальной автономии национальностями неонародниками трактовалось довольно широко, предполагалось наделить ее большими полномочиями. К компетенции федерального центра планировалось отнести лишь внешнеполитическую деятельность, обеспечение функционирования единой денежной системы, управление военными силами и железнодорожным транспортом. Безусловно, неонароднические национальные программы представлялись наиболее радикальными среди подобных программ других политических партий.

Попытки неонароднических партий после свержения самодержавия конкретизировать свои национальные программы и воплотить

их в жизнь оказались тщетными. Вероятно, сказывалась нерешительность этих партий, привязанность к политике кадетов, отрицательно настроенных к федералистским идеям. Например, в эсеровской трактовке федерация теперь мыслилась как союз автономных областей (территорий) и как союз автономных наций (этому отдавалось большее предпочтение). Проблему национальных меньшинств и так называемых «рассеянных» наций предполагалось решать путем создания персонально-автономных союзов со своими местными и общегосударственными органами, обладавшими широкими полномочиями (Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. — Пг., 1917. — С. 481-482).

Еще более сдержанно к перспективам федерализма в России отнеслось правое крыло неонародничества—народные социалисты. Всероссийский съезд народно-социалистической партии, состоявшийся в июне 1917 г., высказался за установление демократической федеративной республики с областными автономиями, общим однопалатным парламентом и «органом для охраны прав и интересов отдельных областей и национальностей». Вопрос о национально-персональной автономии был объявлен дискуссионным (Протоколы 1-го Всероссийского съезда народно-социалистической партии. — Пг., 1917. — С. 45-47).

Несколько иной точки зрения придерживались так называемые «трудовики». «За национальностями России,—говорилось в материалах 6-го Всероссийского съезда Трудовой группы (июнь 1917 г.), — должно быть признано право на устройство национальных территорий и на федеративных с российским государством началах, и на началах конфедерации, а также право на самостоятельное существование». Съезд также признал, что за национальностями, либо разбросанными по всему государству, либо находящимися в отдельных областях в меньшинстве, может быть признано право на экстерриториальную автономию (т.е. представительные сеймы, ведающие делами их национальной жизни) (Протоколы 6-го Всероссийского съезда Трудовой группы. Пг., 1917. — С. 136). Съезд «трудовиков» призвал «демократии отдельных национальностей воздержаться от попыток явочным порядком разрешать важнейшие национальные проблемы, не дожидаясь уже близкого ныне созыва Всенародного Учредительного собрания» (Там же. — С. 138).

Так называемая программа «национально-персональной (экстерриториальной) автономии», уходившая своими корнями в еврей-

ские кагальные традиции и взятая на вооружение практически всеми еврейскими партиями сионистского толка для обеспечения особых прав еврейству (не только культурно-просветительных, но и социально-экономических, финансовых), усиленно навязывалась неонародническому блоку. Эсеры и «трудовики» ее приняли.

Не случайно на 7-м Всероссийском сионистском съезде было с удовлетворением отмечено, что народнический блок выставил «почти тождественную с нашей программу по национальному вопросу». А один из делегатов (Ю. Бруцкус) прямо утверждал: «В ближайший политический момент сионисты могут найти поддержку, главным образом, в народническом блоке (трудовиков, энесов и эсеров)» (Еврейская жизнь. – 1917. - № 21-22. – С. 54).

Тем не менее реальных практических шагов в решении национальных проблем Временное правительство не сделало. Это вызывало недовольство национальных партий, о чем свидетельствовали решения съезда представителей народов России, созванного в сентябре 1917 г. Центральной Украинской радой. Съезд проголосовал за государственное устройство России в виде федерации автономных областей и наций, признав основным дефектом «чрезмерную централизацию законодательной и исполнительной власти». Делегаты высказались за создание «национальных частей в армии», а также за предоставление каждой национальности «национально-персональной автономии».

Съезд единогласно постановил: независимо от созыва Всероссийского Учредительного собрания созвать местные национальные учредительные собрания, призванные определить как конкретные формы своих отношений с центральными органами федерации, так и внутреннюю организацию «автономных институтов данного народа или области». Съезд рассмотрел и белорусский вопрос. Резолюция «О белорусах» признала необходимым, чтобы Временное правительство немедленно издало акт об автономии Беларуси в пределах Российской Демократической Федеративной Республики с непременно включением в автономную Беларусь «всех занятых неприятелем городов и областей в этнографических границах расселения белорусского народа» (Революция и национальный вопрос. – Т. 3. – М., 1930. – С. 443-449). Однако и теперь Временное правительство не прислушалось к этим скромным требованиям национальных неонародников. Отчетливо обнаружилась неспособность правящих партий (эсеров, энесов,

меньшевиков) вывести страну из кризиса, решить национальные проблемы.

После Октябрьской революции, не отказываясь от федералистских идей, эсеры в чисто антибольшевистских целях сделали ставку на поддержку национальных неонароднических партий в их борьбе за независимость. Но и тогда эта поддержка не была безоговорочной и имела определенные пределы. Эсеры, например, отрицательно отнеслись к провозглашению независимости Белорусской Народной Республики, по-прежнему рассчитывая реанимировать Российскую Федеративную Демократическую Республику с Учредительным собранием. Не случайно в тезисах ЦК партии эсеров по вопросу федерации и конфедерации указывалось: «Расчленение России на самостоятельные и независимые друг от друга области и народы грозит неисчислимыми бедствиями ее хозяйственному будущему» (Воля России. — 1928. — Июль. — С. 95).

Любопытна эволюция левозсеровских взглядов на федерализм. Как известно, левые эсеры, заключив блок с большевиками, поддерживали ленинские положения, провозглашенные в «Декларации прав народов России». Однако конкретные пути реализации принципа самоопределения часто вызывали между двумя партиями серьезные разногласия, обусловившие, в конце концов, одну из причин окончательного разрыва. Если большевики пытались решать эти проблемы с жестких позиций интересов классовой борьбы пролетариата, то левые эсеры тяготели к «чистой» демократии. Например, последние сделали вывод о том, что национальные моменты отодвигают классовые задачи на задний план и способны создать «гражданский мир». Назревшие национальные конфликты планировалось урегулировать, на наш взгляд, несколько наивно—путем «дружественного соглашения между равноправными суверенными единицами» (Знамя труда. — 1917. — 16 декабря).

За основу взаимоотношений самоопределившихся народов левые эсеры предложили взять оригинальный, по тем временам, принцип Республики Советов как Федерации Советских Республик. В этом новом национально-государственном устройстве имели возможность «участвовать только те самостоятельно определившиеся области, которые построены по типу Советских республик» (Знамя труда. — 1918. — 11 (24) января). Таким образом, трактовка идеи Республики Советов у левых эсеров несколько отличалась от ленинского представления.

Большевики, отрицательно относившиеся к идее федерализма до октября 1917 г., в условиях блока с левыми эсерами пересмотрели свое отношение к данной проблеме. Однако понимание федерализма у этих партий было разным. Если большевики после победы Октябрьской революции рассматривали федерацию как необходимую форму государственного устройства страны на пути к полному централизованному единству, то федералистские идеи левых эсеров предполагали в конечном итоге широкую децентрализацию власти.

В левоэсеровской интерпретации федерализация означала создание массы областей, совершенно самостоятельных, не связанных между собой, что вело в условиях разгоравшейся классовой борьбы к ослаблению централизованных начал Советской власти. Принцип «свободной федерации» давал возможность любой области или даже уезду объявить себя суверенной республикой, кромсая Россию на карликовые территориальные образования. В подобных идеях, несмотря на их общую принципиальную слабость, характерную для того сложного времени, содержались рациональные альтернативы зарождавшимся советским бюрократическим, централистским искажениям.

Несмотря на разное понимание федерализма большевиками и левыми эсерами, провозглашение 3-м съездом Советов Советской Российской Республики Федерацией Советских Национальных Республик создавало определенную основу для плодотворного сотрудничества обеих партий в вопросах дальнейшего национально-государственного строительства. Левые эсеры проголосовали также за большевистскую резолюцию «О федеральных учреждениях Российской республики», предложив включить дополнения, касающиеся взаимоотношений центральной и местной властей. Речь шла о том, чтобы все местные дела решались исключительно местными Советами. На центральную власть возлагалось проведение мероприятий, «осуществляемых лишь в государственном масштабе». Причем центром «не должны быть нарушаемы права отдельных, вступивших в федерацию областей» (Третий Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — Б. М., Б. Г. — С. 81, 94). Эти предложения левых эсеров были приняты. Все это дало основание некоторым левоэсеровским деятелям позже утверждать, что 3-й Всероссийский съезд Советов провозгласил Советскую Республику Федеративной под влиянием их партии (Знамя труда. — 1918. — 19 мая).

Несмотря на разрыв правительственного блока с большевиками в марте 1918 г., левые эсеры продолжали отстаивать свои принципы

федерализма. В программе, принятой 2-м съездом левых эсеров (апрель 1918 г.), говорилось о том, что партия будет отстаивать «свободную Федерацию Советских Республик, образуемых на основе национальных, бытовых, производственных и территориальных особенностей» (Программа и Устав партии левых социалистов-революционеров. — М., 1918. — С. 9).

Левые эсеры (Д. Магеровский и А. Шрейдер) были включены в комиссию ВЦИК по разработке первой советской конституции. С их стороны звучали предложения о том, чтобы федеральную конституцию вырабатывал не ВЦИК, а федеральный совет, который должен быть сформирован «путем равного представительства от всех Советских республик» (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 564, оп. 1, д. 2, л. 171). В самой комиссии левые эсеры пытались отстаивать так называемый принцип «свободной федерации», означающий, прежде всего, наличие «возможности каждой отдельной области, группе выявлять свое «Я», создавать свою республику, входящую в федерацию» (Там же. — Д. 4, л. 316). Однако комиссия отвергла подобные предложения.

Критикуя левоэсеровские воззрения по вопросам федеративного строительства, И. Сталин так обосновывал позиции большевиков: «Российская Федерация представляет союз не отдельных самостоятельных городов, как это думают карикатуристы из буржуазной прессы, или вообще областей, как это полагают некоторые наши товарищи, а союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом, ... целостностью экономических территорий» (Известия ВЦИК. — 1918. — 3 апреля). Но справедливости ради следует отметить, что защищаемые Сталиным положения не отрицали и левые эсеры. Более того, они считали, что комиссия приняла принцип, фактически уничтожающий федерализм и осуществляющий централизм, «убивая», по их мнению, «творчество и самостоятельность масс» (Знамя труда. — 1918. — 19 мая). В итоге в первой Конституции РСФСР все же возобладали жесткие централистские тенденции, что во многом было вызвано условиями разгоравшейся гражданской войны.

К сожалению, летом 1918 года произошел окончательный разрыв между двумя партиями, причем львиную долю ответственности за это несли большевики. И все же в концепции левоэсеровского федерализма, при всех ее недостатках и слабостях, содержались конструк-

тивные идеи по разграничению полномочий между центром и регионами, предоставлению субъектам Федерации больших прав и свобод.

Не могли пройти мимо проблем федерализма и белорусские неонароднические партии. Как известно, пробуржуазная и прогерманская ориентация правого крыла Белорусской социалистической громады привела к расколу самой партии и созданию двух неонароднических объединений: Белорусской партии социалистов-революционеров (БПСР) и Белорусской партии социалистов-федералистов (БПСФ), а также Белорусской социал-демократической партии (БПСД). Эти партии выступали за независимость и нераздельность Беларуси. Кроме того, БПСР считала, что созданная в перспективе «Белорусская трудовая социалистическая республика» в случае победы мировой революции могла бы стать частью «Мировой федерации всех свободных народов земли».

Некоторые белорусские эсеры склонялись даже к идее создания «Белорусско-литовского государства» в виде своеобразной «независимой федерации». Приверженцы БПСД ориентировались на Польшу и считали, что в перспективе возможна польско-белорусская федерация. Любопытной представляется позиция белорусских социалистов-федералистов. В уставе БПСФ (1918 г.) было записано: «...с переходом Европы на мирное положение и восстановлением нормальных политических и экономических отношений между народами, Беларусь должна будет федерироваться с соседями». БПСФ ставила задачу подготовки наиболее выгодной для Беларуси федерации. Не исключалось, что Беларусь «сама сможет служить Центром, объединяющим соседние народности на основе федерации». Интересно, что устав БПСФ разрешал членам партии находиться в партиях других государств, если деятельность последних не была направлена против «интересов белорусского народа». Кроме того, каждому члену партии разрешалось придерживаться любой из следующих ориентаций: белорусской, русской, немецкой, украинской, литовской и лифляндско-курляндской (Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 62, оп. 1, д. 109, лл. 21-22). Таким образом, белорусские «незалежники» не игнорировали принципов федеративных отношений между народами.

После гражданской войны неонародническая эмигрантская интеллигенция вынуждена была подвергнуть ревизии старые федералистские принципы. По этому вопросу наметилось две точки зрения. Первую выразила наиболее ортодоксальная часть эсеров во главе с М. Вишняком. Эта группа призывала вместо «федерации сверху» созда-

вать «федерацию снизу». Подобная позиция мало чем отличалась от прежних идей эсеровского федерализма.

Другую точку зрения выразила группа В. Чернова — В. Гуревича, которая сделала определенные шаги в сторону конфедеративных начал во взаимоотношениях народов бывшей империи. В. Чернов, например, высказал мысль о возможности создания широкой Славянской конфедерации, которая смогла бы, по мнению эсеровского лидера, «разрешить вопрос об Украине и Белоруссии» (Революционная Россия. — 1926. - № 51 — 52. — С. 24). Позже предлагалось создать, разумеется, после свержения власти большевиков, надгосударственное объединение — «новый Вольный Союз Народных Республик Востока Европы и Азии, вполне самостоятельных во внутренних делах, но осуществляющих совместно общие задачи в сферах финансово-хозяйственной и международно-политической». Эту идею поддерживали представители не только российских, но и украинских, и белорусских эсеров, Белорусской партии социалистов-федералистов, армянской партии Дашнакцутюн (Революционная Россия. — 1926. - № 53. - С. 32; 1927. - № 59 — 60. — С. 18–21).

Однако такие предложения вызвали резкие возражения со стороны ортодоксальных эсеров, усмотревших угрозу дальнейшего распада бывшей России. В итоге этот проект не получил официальной поддержки большинства эсеровских заграничных организаций и остался интеллигентской выдумкой, несмотря на то, что в нем содержались не только оригинальный замысел нового содружества народов, но и рациональные альтернативы усиливавшейся сталинской автономизации Советских Республик.

Таким образом, федералистские принципы, несмотря на их различную трактовку, занимали важное место в программных установках и тактике неонароднических партий, в той или иной степени оказывали определенное влияние на формирование общественного мнения по вопросам решения национальных проблем в молодых государственных образованиях. Неонароднические подходы к федерализму, безусловно, не только учитывались, но и были использованы Коммунистической партией при создании СССР. Многие проекты и идеи неонародников в силу ряда причин не получили своего воплощения, некоторые из них выглядят сегодня наивными и утопичными. Но нельзя не признать заслугу неонародничества, его опыт в творческих поисках эффективных форм взаимоотношений народов, веками живущих вместе.